

ГЛАСНОСТЬ ЗА РУБЕЖОМ: НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКЕ

После избрания Михаила Горбачева Генеральным секретарем произошли интригующие изменения в советской внешней и оборонной политике, но все же в этой сфере эффект нового мышления даже отдаленно не напоминает потрясающего пришествия гласности на внутреннем фронте. Причины этого очевидны. Даже в демократических обществах внешняя политика предполагает какую-то меру соблюдения секретности. Существой здесь неограниченная открытость, не было бы нужды и в дипломатии; если бы взаимоотношения между государствами строились в соответствии с предписаниями пророка Исайи или Нагорной проповеди, никому не понадобились бы военные бюджеты и постоянные сухопутные, морские и воздушные вооруженные силы.

Основные действующие факторы во внешней и оборонной политике Советского Союза не могут не сохранять стабильность безотносительно к любым внутренним нововведениям. Это утверждение справедливо для всех стран, но оно тем более сохраняет силу по отношению к советскому политическому режиму. Так было и задолго до Горбачева; если что-то изменилось после его прихода, то разве лишь в плане усиления отмеченной тенденции. Новые лидеры отнюдь не пренебрегают международными делами и будут использовать любой удобный случай для укрепления советского влияния и безопасности СССР. Руководители СССР полностью согласны между собой в том, что сегодня необходимо сосредоточить усилия на домашних делах — сильная страна сможет укрепить со временем свои внешние позиции, в

то время как слабая или застойная экономика неминуемо будет ослаблять и международное положение государства. Принимая все это во внимание, не имеет смысла говорить, как часто делают на Западе, но практически никогда в Советском Союзе, о наступлении зры гласности в советской политике. Правильный термин для обозначения нового советского подхода к международным делам — „новое мышление”. Этот термин стали использовать задолго до прихода к власти Горбачева.¹

Новое мышление можно определить как отступление от негативизма, характеризовавшего советскую внешнюю политику в начале 80-х годов, к частичному признанию важности общих для Запада и Востока глобальных проблем — таких как ядерное разоружение, экология или эпидемии. В идеале этот сдвиг не должен был бы игнорировать глубинный классовый характер советской международной политики и стратегии, направленных на уменьшение опасности мировой войны и ослабление стран, расцениваемых в Советском Союзе как его главные противники. Однако сегодня этот подход несколько изменился, что, впрочем, случалось и раньше, прежде всего в практическом, а не в теоретическом классовом содержании советской внешней политики. В 1988 г. партийную линию проследить труднее, чем десять или двадцать лет назад. Идеология стала менее монолитной, более расплывчатой. Отношения между СССР и Западом, особенно между СССР и Соединенными Штатами, в начале 1980-х испортились настолько, что почти во всех областях переговоры заканчивались практически безрезультатно. Даже в ретроспективе не так-то легко установить, было ли это сознательной политикой советских руководителей или, что кажется более вероятным, они сами загнали себя во внешнеполитический эквивалент внутренней стагнации. К 1984 г. в стране постепенно стали все яснее понимать, что милитаризация советской внешней политики ведет к самоизоляции и что такая политика противоречила насущным интересам СССР. Это и обусловило постепенный отход от политики бойкота, начавшийся при Андропове и продолжавшийся при Черненко.

Первые внешнеполитические заявления Горбачева были столь же осторожны, как и его высказывания по всем прочим вопросам. Это верно, что во время XXVII съезда КПСС, год

спустя после прихода Горбачева к власти, в московских кругах заговорили о необходимости тактической гибкости и проявляли готовность вступить в диалог с Западом, чтобы достичь взаимоприемлемых компромиссов.² Однако Горбачев сопровождал эти замечания обычными заклинаниями относительно углубляющегося кризиса загнивающего и паразитического империализма (имея при этом в виду не только Соединенные Штаты, но и западную Европу с Японией), который якобы уже поставил капиталистический мир на грань революции. Он даже охарактеризовал Соединенные Штаты как движущую силу милитаризма, как систему монополистического тоталитаризма. Хотя в СССР не отрицали, что капиталистический мир сохранил способность развивать производительные силы, все это сопровождалось утверждениями об эго исторической обреченности вследствие неспособности решить основные социальные проблемы, такие как растущая безработица. Подчас советская пропаганда апеллировала даже к идее глобальной взаимозависимости и намекала на возможность сотрудничества в решении представляющих взаимный интерес проблем, задавая риторические вопросы о разумности многомиллиардных военных бюджетов. Однако подобные намеки были лишь осторожным зондажем. Если Горбачев уже тогда решил возродить разрядку, это не проявлялось в его заявлениях. Более того, дух разрядки еще меньше чувствовался в высказываниях официальных лиц, являвшихся признанными рупорами советской внешней политики, таких, скажем, как Владимир Загладин и Анатолий Добрынин.³ Они делали упор на „всемирную историческую миссию рабочего класса” и „революционный дух нового мышления”, но более всего на то, что фокусом советской внешней политики должно быть ее классовое содержание, а отнюдь не какие-то общечеловеческие аспекты. Не наблюдалось никакого смягчения антизападной, особенно антиамериканской пропаганды: Пентагон обвиняли в появлении и распространении СПИД’а; трагедию в Джонстауне, где около тысячи членов одной из американских религиозных сект совершили коллективное самоубийство, объявляли акцией ЦРУ; утверждали, что именно американцы ответственны за все случаи убийств иностранных лидеров, когда те погибали при невыясненных обстоятельствах, скажем, в

авиакатастрофе или при нападении террористов.⁴ Ливийского правителя Муамара Кадаффи представляли советской публике в качестве „товарища Кадаффи” — эпитет, ранее резервировавшийся только для членов коммунистических и союзных с ними партий.⁵

В 1985—1986 гг. советская зарубежная пропаганда отнюдь не делала из гласности всемирного шоу, гласность использовалась исключительно для внутреннего потребления. Советская пресса утверждала, например, что Советский Союз продемонстрировал возможность быстрого решения национального вопроса — „одной из самых драматических проблем человечества”, что советская конституция гарантирует право на жилье; пресса превозносила бесплатную советскую медицину и обещала, что к 1990 г. реальные доходы советского населения вырастут примерно на треть. Среди многочисленных советских достижений перечислялись и такие, о которых никогда не упоминали раньше: „советские люди гордятся тем, что наша страна сохранила звание последнего в мире оплота романтической любви”.⁶ Все понимают, конечно, что любая страна стремится выглядеть как можно лучше в своей внешней пропаганде, но все же заявления подобного рода явно выходят за общепринятые рамки хорошего тона и элементарного правдоподобия.

Если бы творцы советской внешней политики принимали пропаганду такого рода за чистую монету, отношения Советского Союза с Западом никогда не сдвинулись бы с места. Однако они доказали обратное уже во время визита Горбачева в Лондон в 1984 г., когда он еще не был Генеральным секретарем. Советская дипломатия демонстрировала готовность к установлению более тесных отношений как с Западом, так и с Японией и Китаем. Это проявлялось прежде всего в переговорах по контролю над вооружениями. Советская сторона предложила также развивать торговые отношения посредством создания совместных предприятий. Представители Советского Союза высказали готовность заниматься „представляющими взаимный интерес гуманитарными вопросами” и неоднократно заявляли о намерении вывести советские вооруженные силы из Афганистана.

На Западе новый советский стиль сработал великолепно.

Британский премьер Маргарет Тэтчер первой заявила, что Горбачев ей понравился и что с ним можно вести дела. Вскоре в том же духе высказался и французский президент Франсуа Миттеран. Федеральный канцлер Гельмут Коль был особенно впечатлен личностью Горбачева, его умением входить в детали. В конце концов, и президент Рейган не устоял перед обаянием супругов Горбачевых во время их визита в Вашингтон в декабре 1987 г. Западные средства массовой информации и общественное мнение тоже были поражены новым советским стилем.

Но при всем этом многие разгогласия не исчезли, прежде всего по главному вопросу — о смысле сближения. Является ли оно лишь временным тактическим приемом, рассчитанным на несколько ближайших лет, или это реальный перелом и долговременная переориентация советской внешней политики? Казалось, некоторые советские комментаторы склонялись ко второй оценке, подчеркивая, что подлинное улучшение отношений с Западом нереалистично до тех пор, пока не удастся найти замену традиционной идее неустрашимого взаимного антагонизма и образу подлежащего разгрому и уничтожению внешнего врага.⁷ Впрочем, большинство советских представителей предпочитали оставить этот вопрос открытым.

Были и другие противоречия. В соответствии с новыми политическими оценками, американцы должны были утратить свое влияние, а западная Европа и Япония, напротив, превратиться в альтернативные центры мирового могущества. Советские лидеры, однако, вели переговоры преимущественно с Вашингтоном, чья роль в качестве партнера (и антагониста) все еще далеко превосходила значение остальных регионов. Хотя в Советском Союзе желали оторвать западную Европу от США и призывали к независимой европейской политике, одновременно СССР выступал против любых шагов западноевропейских государств, направленных к их более тесному военному и политическому сотрудничеству между собой. Что касается контроля над вооружениями, то прослеживалось противоречие между желанием ограничить распространение и уменьшить число некоторых систем оружия вследствие их непомерной и все растущей стоимости и намерением не уступить ни одного из военных преимуществ, достигнутых в ходе гонки вооружений в 1970-е гг.

Нужно признать, что в 1988 г. уже появились признаки самокритицизма в советской внешнеполитической мысли. Так, например, в последнем разделе тезисов ЦК КПСС к XIX партийной конференции, посвященном внешнеполитическим вопросам, был подвергнут критике ряд не признававшихся в прошлом ошибок. Публикации отдельных авторов стали более конкретными. Один из них, Вячеслав Дашичев,⁸ показал на нескольких примерах нелепость утверждения о безупречности советской внешней политики былых времен. Так, он высказал мнение, что мюнхенская политика западных держав накануне второй мировой войны была мотивирована не только антикоммунизмом, но и убеждением, что после того как Сталин обезглавил командный состав Красной армии его нельзя рассматривать в качестве надежного союзника. Аналогично, не следует обвинять лишь Запад за его реакцию на сталинский послевоенный экспорт советской системы (в духе бланкистско-троцкистских традиций) и недоверие к лозунгам, прославляющим советскую борьбу за мир. Дашичев также отметил, что в 1960-х—1970-х годах не существовало четкого понимания собственно советских интересов, в результате чего они нередко приносились в жертву в погоне за второстепенными и эфемерными внешнеполитическими приобретениями в странах третьего мира.

Однако от отдельных признаний такого рода еще очень далеко до фундаментальных изменений советского внешнеполитического курса. Переосмысление прошлых ошибок даже в лучшем случае не будет развиваться быстро и вряд ли выйдет за определенные границы. Даже Дашичев, ныне наиболее радикальный выразитель нового мышления, дал ясно понять, что он ни в коей мере не защищает „социалистический изоляционизм“.

Внешняя торговля была другой областью, где прогресс шел нелегко. В СССР были серьезно заинтересованы в расширении торговых связей с Западом ради модернизации советской экономики. Эта цель не раз провозглашалась и на XXVII съезде партии и после него. Но на деле в 1985—1987 гг. торговля СССР с его основными западными партнерами заметно сократилась. Так, торговля с ФРГ упала на 20%. Произошло это из-за падения международных цен на нефть — главный предмет советского экспорта, из-за снижения курса доллара и по ряду других причин.

Чтобы компенсировать уменьшение поступления твердой валюты, советское руководство решило пойти на создание совместных предприятий с западными и японскими корпорациями. Этим хотели воспользоваться в начале 20-х годов, во времена НЭПа, но нынешняя попытка возродить эту традицию представляется не слишком хорошо продуманной, а потенциальные зарубежные партнеры проявили минимальный интерес к таким предприятиям из-за бюрократических и иных сложностей.

Основным направлением советской внешнеполитической активности стал контроль над вооружениями: Советский Союз выдвинул ряд инициатив, далеко вышедших за рамки предложений предшественников Горбачева.⁹ Эти новые идеи включают сокращение стратегических вооружений наполовину (октябрь 1985 г.) или хотя бы на 30% (июнь 1986 г.), постепенный демонтаж всех систем ядерного оружия к 2000 г. (январь 1986 г.) и сокращение обычных вооруженных сил и вооружений в Европе (июнь 1986 г.). Эти предложения сформулированы неопределенно, особенно в области проверки — важнейшем вопросе контроля, но все-таки они в совокупности с рядом других предложений помогли советским участникам переговоров вернуть себе дипломатическую инициативу, создавая при этом образ Горбачева-миротворца, противостоящего каменному упорству Рейгана и его нежеланию пойти на сколько-нибудь значительные уступки для достижения всеобщего мира. Укреплению такого впечатления в какой-то мере способствовали итоги рейкьявикской встречи в верхах в октябре 1986 г. Советская сторона предложила 50%-ное взаимное сокращение числа межконтинентальных баллистических ракет в течение пятилетнего срока и их полное уничтожение к концу столетия, а также согласилась на нулевой вариант по ракетам средней дальности. Американцы в принципе приняли эти предложения, и конференция завершилась неудачей лишь потому, что советская сторона обусловила их отказом от рейгановской стратегической оборонной инициативы (СОИ или „Программа звездных войн“ в популярной лексике). После Рейкьявика многие западные эксперты полагали, что Горбачев сделал свои далеко идущие предложения, будучи уверенным, что формула „или все или ничего“, требовавшая прекращения работ по СОИ, будет непримлемой для американцев. Однако

в дальнейшем его позиция смягчилась, и ни американское упорство в вопросе о СОВ, ни менее решительная советская оппозиция этой программе не помешали успешному завершению переговоров о ликвидации ракет средней дальности. Этот договор был подписан на Вашингтонской встрече в верхах в декабре 1987 г. Никак не пострадали и переговоры о межконтинентальных баллистических ракетах.

Впрочем, ни запутанные переговоры о вооружениях, ни страхи и сомнения на Западе относительно ослабления европейско-американских военных связей и усиления уязвимости Европы перед атакой обычными вооруженными силами не являются первостепенными среди разбираемых здесь проблем. Следует обсудить лишь, пусть кратко, в какой мере советская оборонная политика отражает „новое мышление“. Ныне советские вооруженные силы уже не играют той роли, какую они имели во времена Брежнева — этот политический факт уже давал о себе знать различными путями.¹⁰ Нет сомнений, что и Горбачев за сильную оборону. Однако он, в противоположность Брежневу, сомневается в качестве управления советскими вооруженными силами и обоснованности военных расходов. Сознывая куда лучше нежели его предшественники сложность экономического положения Советского Союза, Горбачев не мог не подвергнуть критическому пересмотру ряд ранее не обсуждавшихся вопросов: наилучшим ли образом используются экономические ресурсы, выделяемые военным; не растрачивают ли они эти средства, равно как и человеческие ресурсы, впустую, и, если это действительно так, на какие изменения и реформы следует пойти? Это повело к фундаментальной переоценке советской стратегической мощи, а именно — насколько силен СССР по отношению к его потенциальным противникам? Такие вопросы ставились и при Хрущеве, и в итоге было проведено сокращение военных расходов. Судя по всему, Горбачев воспринимает международную ситуацию с куда меньшей тревогой, чем советские военные руководители, которые в 1985—1986 гг. в своих выступлениях стремились создать впечатление, что напряженность в международных отношениях чревата взрывом и что мир столзает на грань глобального военного кризиса.

Первоначальной реакцией большей части старших воен-

чалников на гласность и перестройку было вежливое безразличие. На словах они воздавали им должное и подчас вставляли в свои речи новые лозунги, но в общем позиция вооруженных сил оставляла впечатление уверенности в том, что реформы предназначены исключительно для гражданского сектора. В лучшем случае признавалась целесообразность отдельных изменений в структуре и управлении вооруженных сил. Но не допускалось и мысли о вмешательстве в это гражданских лиц. Военное руководство негодовало и на прессу, если та без должного почтения писала о состоянии дел в армии. Эта критика касалась лишь ведения афганской войны и обращения с возвращавшимися на родину ветеранами, но еще никто не осмеливался детально обсуждать причины затяжного характера этой войны, хотя в обществе уже широко распространилось недоумение по поводу того, что могущественная советская армия, крупнейшая военная сила в мире, в течение семи лет не смогла нанести решительное поражение слабо вооруженным и плохо обученным отрядам афганцев. Даже намеки на это вызывали явное недовольство военных, которые, со своей стороны, жаловались на недостаточную моральную поддержку деятелей советского образования и прессы. Ряд кинорежиссеров и писателей, таких как Александр Проханов, сделали карьеру на прославлении подвигов советских военных в Афганистане и прочих местах. Однако большинство писателей избегали этих тем, и армейское начальство улавливало пацифистские (в духе Ремарка) нотки у некоторых широко известных авторов, например, у А. Адамовича. Не вызывали восторга военного командования и высказывания ряда ведущих ученых по поводу непродуктивности призыва способных студентов, лишаящего страну (т. е. в конечном счете, и государственную оборону) возможности использовать их таланты в лучшие годы их научной карьеры. В средства массовой информации проникали жалобы, что сыновья влиятельных родителей ставились в привилегированное положение во время военной службы. Кроме того, широко критиковалось униженное обращение с солдатами первого года службы, преимущественно не со стороны офицеров, а со стороны сержантско-старшинского состава и особенно со стороны солдат старших сроков, некогда страдавших от подобного же отношения к ним са-

мим, а офицеры предпочитали закрывать на это глаза.¹¹ Коротче говоря, высшее командование стало ощущать немало неудобств от гласности и перестройки. Отсюда его пассивное сопротивление, продолжавшееся вплоть до начала 1987 г.

На январском пленуме Центрального комитета Горбачев угрожал понижением в должности тем, кто не желал способствовать его реформам. Еще раньше произошла перетасовка в высшем военном руководстве и в министерстве обороны. Эта перетряска сильно повлияла на отношения в военной среде, в немалой степени потому, что новые назначенцы отнюдь не всегда следовали по рангу за сменяемыми ими лицами, но все имели репутацию сторонников реформ. После того как молодой пилот из Западной Германии неожиданно посадил свою „Чесну-172” на Красной площади, маршал Соколов был заменен на посту министра обороны генералом Дмитрием Язовым, который в своей речи обвинил своих коллег, никого не называя по имени, в неспособности устранить негативные тенденции в развитии вооруженных сил: „Мы должны посмотреть правде в глаза: некоторые из нас утратили чувство долга и ответственности, необходимые для выполнения наших задач и обязанностей”.¹² (Обр. пер. с англ. — Ред.)

Каковы бы ни были долговременные результаты подобных предостережений, военные, начиная с весны 1987 г., стали проявлять в своих речах и статьях приверженность новой политике реформ. Они поняли, что недооценили решимость гражданского политического руководства в проведении реформистской политики.

Что касается военной доктрины, то и здесь советские военные лидеры, хотя и не все, стали склоняться к компромиссу с гражданскими стратегическими специалистами, пользующимися очевидной поддержкой Горбачева. Различные авторы стали задавать ранее совершенно немыслимые вопросы, например, относительно размещения ракет СС-20 в странах Восточной Европы. Ведущий комментатор Александр Бовин отметил, что создание и установка этих ракет было очень дорогостоящим делом. „И коль скоро уж мы согласились на их уничтожение, встает вопрос, зачем их вообще надо было делать? Я не единственный,

кто задает подобные вопросы, и хотелось бы получить на них компетентный ответ”. (Обр. пер. с англ. — Ред.)

Советским военным руководителям было труднее, чем гражданским, принять аргументы в защиту реформ, в особенности идею, что в отличие от времен Клаузевица и Ленина, в атомный век термоядерная война уже не является продолжением политики иными средствами и что в ней не может быть ни победителей, ни побежденных. Некоторые военные писатели продолжали утверждать, что несмотря на все произошедшие с XIX в. изменения, отказ от классической марксистской концепции справедливых и несправедливых войн был бы делом как минимум преждевременным. Кроме того, всегда следует опасаться внезапного нападения — концепция, занимавшая центральное место в советских военных трудах начала 80-х годов.¹³

Эти споры были, очевидно, абстрактными, но неизбежно приводили к важным практическим вопросам: сколько следует тратить на оборону, каким будет характер следующей войны, кто будет обладать превосходством в гонке вооружений и есть ли необходимость в новой военной доктрине. Постановка этих вопросов не прошла незамеченной западными стратегами и политиками. Но на Западе были склонны рассматривать эти споры как зеркальное отражение собственных аналогичных дискуссий, что верно лишь наполовину.

Некоторые советские военные руководители сопротивлялись очевидному желанию Горбачева пойти на уступки Вашингтону на переговорах по контролю над вооружениями, например в отношении моратория на ядерные испытания.¹⁴ Иногда возражения даже подчеркивались — открыто или с использованием злоповского языка. Можно допустить, что еще сильнее было скрытое сопротивление, не проникавшее в печать, и им было трудно пренебречь. Такие установки отражали уверенность маршала Николая Огаркова, который до 1984 г. был начальником генштаба, и практически всех его предшественников, что международная обстановка является критической, в любой момент может привести к войне и только советское превосходство гарантирует успешную оборону и, в конечном счете, победу. Однако война так и не наступала, а военное ведомство поглощало все больше ресурсов и, несмотря на превосходство в ряде облас-

тей, достигнутое Советским Союзом, оно было недостаточным для обеспечения решающих преимуществ.

Как сказал однажды А. Добрынин,¹⁵ эти рассуждения выливались в острые конфликты и резкие дискуссии, различия во мнениях становились болезненными, более радикальные новые теоретики намекали на возможность новой системы всемирной безопасности и даже исторического компромисса (Федор Бурлацкий), однако так далеко заходили лишь аутсайдеры. Стратегов „главного потока“ больше интересовало обсуждение пределов разумной достаточности обороны, иачатое в первые месяцы 1987 г. Этот термин был введен новым начальником генштаба Сергеем Ахромеевым, и он сделался частью официальной доктрины, когда члены организации Варшавского договора использовали его в резолюциях этой организации.¹⁶ Оставался, однако, вопрос интерпретации самой достаточности; что касается термина „паритет“, то его использовали не часто. Военные руководители все еще подчеркивали растущую опасность империалистического нападения и „по политическим мотивам тяготели к преувеличению западных преимуществ в некоторых областях“.¹⁷ Вряд ли колкости гражданских лиц оказывали заметное влияние на ответственных за политическую обработку состава вооруженных сил. Так, редактор армейской газеты „За родину“ А. И. Кириллов писал: „Империализм готовится к войне. Никто не может отрицать этого“. (Обр. пер. с англ. — Ред.)¹⁸

Более просвещенные военные руководители сознавали, что советское верховное командование должно быть заинтересовано в успехе политики реформ, которая приведет к модернизации экономики и, в конечном итоге, — к укреплению вооруженных сил. Эти военные круги были готовы принять низкий уровень достаточности обороны, несмотря, на то, что американцы, по их мнению, эту идею не одобряют. Некоторые теоретики из военных и многие гражданские специалисты по стратегическим проблемам утверждали, что для обеспечения достаточной обороны нет необходимости добиваться паритета с Западом во всех направлениях военного строительства. Установка на такой паритет, по их мнению, даже противопоказана „в силу того, что американцы были бы рады измотать нас таким образом“ (Обр. пер. с англ. — Ред.)¹⁹ Кое-кто из представителей гражданских

ведомств доходил даже до утверждений, что разумную достаточность следует интерпретировать как способность предотвратить войну, сдерживать потенциального агрессора и успешно защищать собственную страну (эту формулу использовал и Горбачев), не доводя при этом боевые ресурсы до уровня, необходимого для ведения наступательных действий.²⁰

Все эти подходы сверкали новизной в сравнении со стратегической доктриной 1970-х годов. В течение первых лет правления Горбачева советская внешняя политика, безусловно, стала неизмеримо динамичнее, но это сомнительный комплимент, поскольку так же, как с гласностью, точка отсчета была очень низкой. В начале 80-х годов Советский Союз сам себя загнал в крайне неудобную позицию. Так что интенсивные дипломатические переговоры и государственные визиты, сопровождавшие внутреннюю перестройку, не могли не произвести впечатления за рубежом. Советские дипломаты заговорили на новом языке, следуя примеру свыше. Они стали высказывать готовность к обсуждению ранее запретных тем, они стали даже время от времени шутить и улыбаться. Создавалось впечатление, что решающий прорыв в отношениях между Востоком и Западом — дело близкого будущего.

Надежды эти оказались преждевременными. Советская дипломатия, действительно, сделала попытку улучшить отношения с Соединенным Королевством и Западной Германией, которая уже в 70-е годы была излюбленным западным партнером Москвы. Однако ни эти усилия, ни визиты советских руководителей в Скандинавию, Испанию, Латинскую Америку и другие части земного шара, ни относительная умеренность тона советских средств массовой информации²¹ не привели немедленно к серьезным переменам. Впрочем, по всей вероятности, этого и не ожидали и в Кремле. Главной задачей было „поднять флаг“ нового курса, создать представление о Советском Союзе не только как сверхдержаве, но и ответственной, умеренной и заслуживающей доверия международной силе.

Преимственность продолжала определять и советскую дальневосточную политику. Вновь всплыла идея всеазиатского форума. Во владивостокской речи в июле 1986 г. Горбачев подчеркнул роль Советского Союза как тихоокеанской державы,

Однако эти идеи не так уж сильно отличались от недоношенной брежневской схемы дальневосточной системы коллективной безопасности (июнь 1969 г.). Реакция азиатских стран в 1986 г. была не намного более положительной, чем семнадцатью годами ранее, хотя произошло некоторое сближение с недавно добившимися независимости странами региона. Несмотря на визит советского министра иностранных дел в Токио, СССР не проявил готовности к уступкам по территориальным вопросам, но пошел на ряд второстепенных уступок в переговорах с Китаем — согласился на определение китайско-советской границы по середине русла Амура и Уссури, а не по китайскому побережью; кроме того, были даны обещания о шагах навстречу китайской позиции в трех главных пунктах противоречий — по поводу Афганистана, Камбоджи и уменьшения концентрации войск вдоль общей границы протяженностью в 7,5 тысяч километров. Нормализации отношений способствовал и рост торговли между двумя странами. Китай направил делегацию в Москву на празднование 70-летней годовщины Октябрьской революции. Горбачев назвал Китай „Великой социалистической державой“, а китайцы умерили тон критики в адрес СССР. Однако даже если удастся найти удовлетворительные решения по всем главным проблемам, разделяющим сейчас эти ведущие державы коммунистического мира, взаимная подозрительность между ними укоренилась настолько, что возвращение к близости времен Сталина и Мао представляется совершенно нереальным.

Заметно улучшилась общая атмосфера и на Дальнем Востоке, и в Европе, хотя не было прогресса в решении существенных противоречий. Советские лидеры с самого начала имели мало надежд на это и не считали отсутствие драматических позитивных сдвигов неудачей. Из опыта прошлых лет они усвоили, что отношения между ведущими странами густо замешаны как на конфликтах, так и на общих интересах, что исключает возможность радикальной переориентации союзников. Творцы советской внешней политики гибко и настойчиво преследуют определенные фундаментальные цели — например, стремятся предотвратить коалицию потенциальных противников. Были приняты действительно серьезные усилия по выводу советских войск из Афганистана, но в целом, советская внешняя политика претерпела

меньше изменений, чем полнотика в других сферах. Этого и следовало ожидать: даже если Горбачев и его коллеги заинтересованы в глубокой переориентации советской внешней политики, они не могли осуществить эту цель, по необходимости уделяя основное внимание внутренним делам. Приоритет внутренней политики над внешней был очевиден с самого начала. Не подлежало сомнению, что менее всего Генеральный секретарь нуждался в открытии второго фронта, когда только что началась борьба на фронте внутреннем.

Министерство иностранных дел СССР отдало ритуальную дань гласности и перестройке, возобновило публикацию собственного органа, „Вестника“, издававшегося в 1918 г., но давно закрытого, а Эдуард Шеварднадзе произнес речь с призывами к проведению внутренних реформ в министерстве, необходимость которых пояснил следующим примером: Долгие годы в МИДе работал некий эксперт по неким проблемам большой важности (даже в эпоху гласности министр не отважился на более конкретную информацию). Этот человек, будучи скромным, не занимался саморекламой, и поэтому его таланты так и не нашли достойного применения, и теперь ему вскоре предстоит выход на пенсию. Что за непозволительная растрата талантов!²²

История невеселая, но такое случается в нашем мире почти повсюду. Рассказав этот случай, советский министр иностранных дел продемонстрировал свою заботу о людях, однако при этом обнаружил и собственное понимание гласности и перестройки. Но как ни скромны были предлагаемые Шеварднадзе реформы, даже они вызвали осязаемое сопротивление аппарата министерства. В том же выступлении Шеварднадзе сказал, что многие бывшие и нынешние сотрудники министерства возмущены его политикой открытости и гласности, считая, что она подрывает авторитет советского внешнеполитического ведомства. Можно не уточнять, что сам Шеварднадзе не разделял этого мнения. С его точки зрения, новый дух подлинной партийности не только требует творческого развития марксизма-ленинизма и профессиональной компетентности, но поощряет высказывание собственных взглядов, невзирая на критику как изнутри, так и извне министерства.

Запад с энтузиазмом приветствовал гласность. Сперва, впрочем, там проявляли сдержанность — ведь в свое время средства массовой информации возлагали слишком много надежд и на избрание Андропова. Было сказано немало приятных слов даже о здравом смысле и хладнокровии Черненко. Ввиду последовавших за этим разочарований некоторая осторожность казалась вполне уместной. Лишь через год после прихода Горбачева к власти заговорили о новом стиле советского руководства. В 1987 г. стал постепенно проявляться и подлинный энтузиазм — утверждалось, что политический климат наконец-то изменился, что „холодная война” ушла в прошлое и что горбачевская революция — это один из величайших поворотных пунктов советской истории.

Как всегда, здесь имелись нюансы и различия: мера энтузиазма была куда выше в США и Западной Германии, чем во Франции и Италии. Мало кто из экономистов разделял оптимизм прессы по поводу перспектив горбачевских реформ. Либеральные политические обозреватели, такие как Теодор Дрейпер (писавший в „Диссенте”) предупреждали против преувеличенных надежд. Московский корреспондент одной из английских газет Мартин Уолкер, один из самых оптимистичных западных наблюдателей советских событий, присоединился к предупреждениям Дрейпера. После лекционного турне по Соединенным Штатам он не скрывал изумления по поводу готовности американских советологов не только соглашаться с его предположениями относительно будущего курса горбачевских реформ, но даже заходить в своем оптимизме еще и дальше. В восторг от этого он не пришел: „Никогда не следует недооценивать способность американских средств массовой информации создавать на потребу дня очередные мифы, чрезмерно приукрашивая банальные события и освящая вполне мирские дела”. Он выражал опасение, что маятник американского общественного мнения, ныне пребывающего в состоянии эйфории, может быстро качнуться назад, от уверенности к отчаянию и от веры к отрицанию.²³

Как объяснить искренние восторги по поводу Горбачева

и его нового курса, расточаемые отнюдь не только теми кругами на Западе, которые постоянно приветствуют советскую политику? Конечно же, горбачевский стиль и его политическая программа — огромный шаг вперед по сравнению с брежневской эрой, не говоря о более ранних главах советской истории. И в прошлом не раз ожидали и прогнозировали решительный поворот советской политики к лучшему — так было после вступления СССР во вторую мировую войну в 1941 г., после победы союзников над странами оси, после смерти Сталина в 1953 г., и по поводу ряда других событий, последним из которых по времени было избрание Андропова генеральным секретарем ЦК КПСС. Каждый раз надежды оказывались преждевременными, что мешало сохранению непомерного запаса оптимизма по отношению к Советскому Союзу, который, рано или поздно, должен все-таки превратиться в демократию европейского типа.²⁴

Последствия такого исторического поворота тоже казались очевидными: более безопасный мир, исключение возможности ядерной войны, огромная экономия в расходах на вооружение, свободное от страхов и более обеспеченное существование. Потенциальные приобретения от демократизации и либерализации Советского Союза выглядели поистине впечатляющими. Неудивительно, что западные средства массовой информации с их постоянной слабостью к преувеличениям, превращали эти надежды и возможности в факты, в достоверность. Наконец, всегда в высшей степени присущая западной прессе и телевидению тенденция к персонификации политических проблем нашла в Горбачеве великолепного кандидата — „звезду”, как точно выразился журнал „Шпигель” уже в 1985 г., „человека года” в американских журналах новостей. Наконец-то появился советский лидер, которого западные корреспонденты смогли признать за человека своего круга: хорошо смотрится на публике, женат на привлекательной женщине, компетентен, разумен, быстро соображает, хочет мира, обладает здравым смыслом, чувством юмора и прекрасными способностями к общению. По популярности он занял ведущее место в западных странах, иногда потеснив и их собственных лидеров.

Президент Картер назвал Горбачева „самым гуманным из всех мировых лидеров”. Харизма советского руководителя так

потрясала кое-кого из журналистов, как если бы они имели дело с человеком королевской крови. Один из журналистов так описал встречу с ним:

„Пронесся гул всеобщего возбуждения и в комнате появились супруги Горбачевы. Все выглядело так, будто появилась чета монархов или звезды телеэкрана. Подлинный их облик — молодежавых, улыбающихся, с прекрасным цветом лица, излучающих уверенность — был гораздо привлекательней их изображений. Горбачев на газетных фотографиях казался массивным, крепко сбитым человеком с тяжелой челюстью. Наяву же он просто излучает энергию, целеустремленность и теплоту прирожденного харизматического лидера, знающего себе цену и наслаждающегося отражением своей значимости в глазах окружающих”.²⁵

Такого рода реакции Горбачев в значительной мере обязан естественному обаянию. Ни Егор Лигачев в Париже, ни Николай Рязков в Стокгольме и Осло, ни Шеварднадзе в Латинской Америке, ни прочие советские руководители никогда не вызывали такого экстаза у публики.

Отношение к руководителю неизбежно влияет и на оценку его политики. Как же можно было сомневаться, что Горбачев — симпатичный и порядочный человек, заслуживающий безусловного доверия? Почему же насторожены по отношению к нему западные лидеры? Критики такой позиции утверждали, что Горбачев взялся осуществить наиболее далеко идущее обновление советской системы за целых полстолетия, и продвижение Советского Союза навстречу давним пожеланиям Запада создавало совершенно новые возможности в международной политике.²⁶ Запад же вместо того, чтобы признать и использовать эти изменения, выбрал тактику „поживем — увидим”. Другие комментаторы в таких же терминах подчеркивали важность советских реформ и предупреждали „против чрезмерно скептического реагирования”, могущего замедлить дальнейший прогресс Советского Союза”.²⁷ Такая критика не была обоснованной. Ведь ни один советский руководитель со времен второй миро-

вой войны не награждался такими аплодисментами и не стал символом западных надежд на внутренние изменения в Советском Союзе. Как отмечала газета „Вашингтон пост”, „Генри Киссинджер и несколько американских сенаторов предупреждали, что в случае успеха Горбачева пострадает безопасность западных демократий”, но их возражения были „лишь одинокими головами в хоре всеобщего одобрения”.²⁸

Несмотря на доброжелательность и симпатию, Запад выбрал выжидательную позицию, как, собственно, и советская публика, судя по всей имеющейся информации.²⁹ В прошлом жители Советского Союза слишком часто призывали к реформам. Западные лидеры, от Маргарет Тэтчер (назвавшей в ноябре 1987 г. Горбачева отважным человеком) до Денниса Хили, от западногерманских социал-демократов до лидера консерваторов Франца-Йозефа Штрауса не скупились на лестные замечания о Горбачеве. Если бы они обняли его еще крепче, итогом вполне мог бы быть поцелуй смерти. Точно так же и капитаны западной экономики не заслуживают упрека в отсутствии у них доброй воли. Американские банкиры были готовы предоставить СССР займы под более низкий процент, чем, скажем, Бразилии. Сам президент Рейган за несколько дней до прибытия Горбачева в Вашингтон в декабре 1987 г. задал тон, заявив по национальному телевидению, что Горбачев отказался от коммунистической идеи мирового господства, выступает за всеобщее ядерное разоружение и не отвечает за войну в Афганистане.³⁰ Чего же еще можно требовать от человека, который в свое время назвал Советский Союз „империей зла”?

Один из рупоров западного капитализма, английский журнал „Файнэншл Таймс” опубликовал восторженную рецензию на книгу Горбачева „Перестройка”. Джордж Кеинан также пренсполнился энтузиазма:

„Горбачев предпринял наиболее серьезную на сегодняшний день попытку изменить некоторые факторы и политику, вызывавшие здесь (в США) столь негативную реакцию... Пока эта ориентация Горбачева остается в силе, перспективы существенного улучшения советско-американских отношений будут куда лучше, чем в любое время после революции”.³¹

Газета „Нью-Йорк Таймс“ назвала книгу Горбачева „публикацией года“; лишь газета „Уолл-Стрит Джорнэл“ не выражала восторга.³² В Западной Германии — стране, отнюдь не знаменитой крупными издательскими гонорарами, за публикацию „Перестройки“ было уплачено 1,5 млн. марок. Через несколько дней стало ясно, что риск издателей был оправдан, ибо еженедельник „Шпигель“ уплатил еще 1 млн. 200 тыс. за право публикации ее журнального варианта.

Мнения разделились даже в среде живущих на Западе эмигрантов из Советского Союза. В некоторых эмигрантских журналах слова „гласность“ и „перестройка“ помещали в кавычках. Владимир Буковский назвал Горбачева новым сталинистом у власти. В начале кампании за гласность десять видных эмигрантов призвали Горбачева предоставить осязаемые доказательства существенных изменений в Советском Союзе. Они в свое время эмигрировали не по какой-то трагической ошибке, но вследствие глубоких расхождений с режимом, не желавшим уважать свободу самовыражения творческих личностей. Не сохранится ли подобный контроль и в будущем?

Ко всеобщему удивлению, газета „Московские новости“ напечатала это письмо, снабдив его длинной ответной статьей. Куда менее странным было, что сверху редактору выразили неудовольствие, так как публикацию сочли политической ошибкой. Однако он не был смещен, что, конечно, само по себе демонстрировало определенный сдвиг в направлении гласности.

Другой писатель из эмигрантов, активист правозащитного движения Борис Вайль, опубликовал статью, озаглавленную „Гласность: наполовину выигранная битва“. Он предупреждал своих собратьев по эмиграции против „одностороннего негативизма“: „Предъявляя Горбачеву свои максималистские претензии, мы напоминаем собственных же оппонентов: не чистый ли это большевизм, требовать от него, чтобы он завтра же закрыл КГБ и ввел многопартийную систему?“³³ Некоторые из новоприбывших из СССР, такие, как Натан Шаранский, встали на куда более скептические позиции, выражая опасения, что Западу грозит искушение советской гласностью. Западные политики и журналисты не смогли устоять перед обаянием горбачевской политики, близкой по стилю к их собст-

венному. Горбачев принес с собой надежду и новые возможности, но только, если видеть его таким, каким он на деле является. Для обитателей Запада это было психологически нелегким делом. Другие недавние эмигранты, однако, проявляли меньше скепсиса и просили о выдаче им советских виз. Большинство получило разрешение вновь посетить свою прежнюю родину.

Последователи Троцкого также не могли прийти к единому мнению относительно смысла событий в Советском Союзе. Международный комитет IV Интернационала объявил Горбачева злейшим врагом рабочего класса, обвинив в недостаточном сочувствии революционным движениям за пределами СССР, их слабой поддержке и трусости — как он смел подписать соглашение с Вашингтоном о контроле над вооружениями? Однако Эрнест Мандель, ветеран троцкизма, приветствовал Горбачева как „представителя наиболее просвещенного крыла бюрократии“. Другие, подобно Хили и Банде из рабочей революционной партии, пошли даже дальше, встав на практически тождественные с коммунистами позиции: в СССР нет никакой капиталистической реставрации, напротив страна находится на пути к изменениям огромной социальной и политической значимости.³⁴

Крайне левые нетроцкистского толка тоже встретили горбачевские реформы с одобрением. Их поощрили к этому статьи Бориса Кагарлицкого и нескольких других левых диссидентов из Москвы и Ленинграда, опубликованные в таких английских журналах, как „New Left Review“, и в американском „In These Times“. Согласно этим источникам, по всему Советскому Союзу молодежь ринулась в социалистические клубы и, куда меньше интересуясь правами человека, нежели диссиденты 70-х годов, озабочена главным образом возвращением к „позитивному марксизму“. Один из таких левых писал, что за пределами СССР большой сенсацией стало возрождение массового левого движения, напоминающее западную радикализацию 60-х годов. Мнение это, мягко говоря, было большим преувеличением. Горсточка молодых интеллигентов заинтересовалась идеями Маркузе, Грамши и Даже Бакунина через двадцать лет после того, как они вошли в моду на Западе. В начале 80-х годов несколько человек были за это арестованы.

Есть основания считать, что датированный 21 ноября 1985 г. ленинградский манифест движения за социалистическое обновление, наделавший шума в некоторых западных органах массовой информации, вышел из этих же кругов.³⁵ Манифест призывал к системным изменениям и содержал немало крупномасштабных предложений. Осталось, однако, неясным, сколько человек (пять, пятнадцать, или, возможно, даже пятьдесят) стоит за этим манифестом и были ли они в действительности членами партии. В начале 1988 г. Кагарлицкий признал, что лишь немногие проявили интерес к их идеям. С одной стороны, выросла популярность неосталинизма, с другой — советские радикальные либералы остались „культурниками“, оставив экономические проблемы консерваторам.³⁶

В итоге большинство западных наблюдателей обнаружили в Советском Союзе то, что желали там найти. В столь неопределенной ситуации это неудивительно. В Советском Союзе столько противоречивых тенденций, что хватит поистине на всех. Нелегко было выделить в путанице противоречивых сведений отражающие подлинную советскую действительность, а не западные предпочтения. Коснемся, наконец, реакции на происходящее в СССР других коммунистических режимов в Европе и остальном мире. Румыния и Куба с самого начала твердо противостояли реформистскому движению, однако остальные высказались за перестройку, хотя Восточная Германия и Чехословакия отнюдь не спешили с одобрением наиболее смелых выступлений Горбачева. Польша и Венгрия стали проводить реформы задолго до 1986 г. — первая по необходимости, вторая в силу собственного выбора. Исходящие из Москвы инициативы эти страны приветствовали как подтверждение правильности их собственной позиции. После некоторых колебаний ревностным сторонником экономических реформ стала и Болгария. Более того, в конце 1987 г. советским братьям пришлось предупредить Тодора Живкова о необходимости большей осторожности и меньшей амбициозности; никто не предлагал, чтобы партия отказалась от тотального контроля над экономикой.

Для Северной Кореи реформа явно не представляла интереса. Китай развивал собственные гласность и перестройку, которые во многом отличались от советских. В Чехословакии

с течением времени, после назначения преемника Густава Гусака стали проявлять чуть больше энтузиазма. Однако немцы ГДР остались несокрушимыми. Они по праву заявляли, что их экономика — самая сильная во всей Восточной Европе, и что такое положение дел было результатом их жесткой централизации — концентрации всех промышленных предприятий в рамках 150 объединений. Зачем же менять то, что и так неплохо работает, во всяком случае, по восточноевропейским стандартам? На деле, впрочем, представление о Восточной Германии как об экономическом богатыре было во многом иллюзорным. Экономический рост этой страны оставался более чем скромным, ее торговля с Западом непрерывно падала, а отставание от Западной Германии за последние 20 лет увеличилось.³⁷ Но, в отличие от Польши, ГДР никогда не стояла перед опасностью банкротства.

По словам Курта Хагера, члена восточногерманского политбюро, отвечающего за вопросы идеологии, если ваш сосед меняет обои в своей квартире, следует ли отсюда, что и вы должны делать то же самое? Это сравнение вряд ли пришлось по вкусу московским сторонникам реформ, но у них были куда более срочные задачи, нежели полемика с восточногерманскими соратниками.

То, что было только что описано — это реакция восточноевропейцев на советскую перестройку; что же касается гласности, то она нигде не вызвала особого энтузиазма, если не считать Польши и Венгрии. Напротив, повсеместно распространились опасения, что результатом развития гласности может стать дестабилизация лояльных к Советскому Союзу режимов: небольшие диссидентские группы в Восточной Германии и других странах региона почувствовали поддержку в новом курсе Горбачева и даже стали апеллировать к авторитету советского лидера. Руководство Восточной Германии не колебалось ни секунды: если Горбачев освободил политических заключенных и разрешил академику Сахарову вернуться из горьковской ссылки, то Эрих Хоннекер санкционировал массовые аресты и высылку десятков пацифистов и религиозных активистов в Западную Германию. Правительство Чехословакии, со своей стороны, было обеспокоено попытками Москвы (впрочем, пока еще не публичными) ответить на вопрос, была ли военная интервенция

1968 г., положившая конец пражской весне, оправданной и хорошо продуманной акцией. Официальные лица стали немедленно утверждать, что ситуация в Чехословакии в то время радикально отличалась от нынешней советской перестройки: в противоположность ей, реформистское движение в этой стране („социализм с человеческим лицом“) было инспирировано внутренними и внешними реакционными силами.

Ситуация и вправду была иной. Исторически советский коммунизм был явлением доморощенным, а в Восточную Европу он был принесен на штыках Красной армии во время и после второй мировой войны. Если жители СССР уже в какой-то мере свыклись с коммунизмом, то этого нельзя сказать о восточноевропейцах. Здесь всегда существовало скрытое национальное недовольство: хотя, возможно, диссиденты и были немногочисленны, они могли рассчитывать на серьезную общественную поддержку и, начав с пальца, откусить всю руку и даже куда больше. Центробежные силы оставались значительными даже в такой относительно стабильной коммунистической системе, как восточногерманская. При этом довольно высокий уровень жизни этой страны, имеющиеся там большие возможности по части развлечений (в форме западного телевидения) и рекорды по плаванию и легкой атлетике не играли особой роли.

В конечном счете, внутреннее спокойствие коммунистических режимов всегда зависело от умиротворения масс. Развитие же гласности и демократизации не могло не возыметь обратного эффекта, создавая существенное беспокойство и неуверенность. Не так уж удивительно поэтому, что фильм Абуладзе „Покаяние“ сурово раскритиковали в Восточной Германии, а в большинстве восточноевропейских стран он прошел незамеченным. Пресса назвала его „исторически ошибочным“ и „бесчеловечным“. Дело представили так, что картина подрывает единство партии с массами и льет воду на мельницу антикоммунистических сил.³⁸

Возбуждение, охватившее часть восточноевропейских интеллигентов вследствие новых советских свобод в культурной сфере, охладило высказывания их партийного руководства, что как раз этому советскому примеру следовать не стоит. Что

касается Венгрии и Польши, то они уже имели такую гласность, которую, как полагали их партии, они могли себе позволить политически. В любом случае, в этих странах гласность началась задолго до Горбачева. В прочих же странах партии восприняли гласность как нечто враждебное и подрывающее основы.

Таким образом, налицо определенная неоднородность восточноевропейского политического ландшафта. Большинство здесь одобряет прагматические перемены в экономике, но возражает против гласности и политических реформ. Это разнообразие можно было бы интерпретировать как вселяющее надежду: по крайней мере, ушло в прошлое насильственно утверждаемое монолитное единомыслие сталинских времен. Не следует забывать, однако, что этот монолит дал первые трещины уже после отлучения Тито и отхода от советского курса Румынии и Албании.

Перестройка, действительно, породила некоторое рассогласование в Восточной Европе: Советский Союз может достичь большей интеграции со своими восточноевропейскими союзниками только если эти страны начнут проводить у себя реформы более или менее в советском духе. Не станет ли настоятельной необходимостью ближайших лет выработка какой-то общей идеологической основы, отличной от традиционных клише? Никто не может с легкостью ответить на эти вопросы.

Взгляд в будущее

Несомненно, гласность означает нечто большее, чем демонстрацию положенных много лет назад на полки фильмов и публикацию после десяти—двадцатилетней задержки запрещенных некогда романов. Советские средства массовой информации стали обсуждать положение дел в стране гораздо свободней, нежели в прошлом. Однако, как показывает опыт предреволюционных лет, даже сравнительно высокая степень культурных свобод вполне может сосуществовать с авторитарной политической системой. Но что будет после того, как выйдут все прежде запрещенные фильмы и книги и превратятся в общие места разоблачения положения дел в сельском хозяйстве и не-

достатков здравоохранения? Главные запретные зоны все еще никем не отменены. Это не только все связанное с нынешним руководством страны, но и история компартии, и роль КГБ.

В самом деле, скептики могут утверждать, что именно здесь большинство действительно серьезных вопросов, затрагивающих существо режима. С этой точки зрения, публикация в 1988 г. „Доктора Живаго” и даже книг Платонова, Замятина, Орвелла, так же как выставки абстрактной живописи и концерты современной музыки — большие достижения, которые, однако, важны лишь для незначительной части советского населения. Новые правители страны допускают эти свободы, поскольку они не представляют политической угрозы режиму.

Но даже если гласность не вышла бы за пределы перечисленных явлений, она все равно чрезвычайно интересное событие, поскольку благодаря гласности расширились знания Запада о происходящем в Советском Союзе. Что сулит она в будущем? Гласность не является необратимой. При отсутствии подлинных демократических гарантий данное однажды может быть взято назад. Судя по всему, гласность уже достигла своих пределов. Но вполне возможен частичный регресс, итогом которого станет сужение этих рамок. Пока что гласность означала откровенный разговор о недостатках советской политики, общества и различных сторон жизни в Советском Союзе. Что произойдет, если эти споры и разоблачения не приведут к улучшениям? В основе гласности лежала надежда. Для многих она была глотком свежего воздуха после удушающих лет стагнации. Но без реальных изменений надеждам суждено будет развеяться, и воздух вновь приобретет застойный запах.

Реформы советского общества вряд ли приведут к успеху в ближайшие пять—десять лет. Экономические и социальные проблемы страны имеют структурный характер, а политические изъяны глубоко укоренены в ее прошлом. Для обеспечения подлинных перемен потребовалось бы нечто вроде культурной революции. В истории такие революции случаются, но не часто, и нет никаких намеков на нечто подобное в ближайшем будущем в Советском Союзе. Ситуация в стране могла, по словам Горбачева, стать почти критической, но все-таки кризис не достиг уровня, необходимого для стимулирования истинно ради-

кальных реформ. Нет никакого сомнения в том, что итогом „эффекта новой метлы”, как называют его некоторые экономисты, т. е. большей энергии нового руководства и провозглашенных им новых инициатив, будут какие-то частичные улучшения. Однако новизна метлы будет с каждым годом идти на убыль и опасности для гласности будут возрастать, ибо она делает управление страной более трудным по сравнению с прошлым. Сегодня выходят на поверхность ранее скрытое национальное и социальное напряжение и конфликты. В итоге неизбежны столкновения и нарушения порядка, что будет наруку тем, кто уже давно утверждал, что советский народ не готов к политической свободе, и, возможно, не дорастет до нее еще в течение поколений. Они будут доказывать, что только авторитаризм, господствовавший на протяжении практически всей истории России, соответствует ее устоям. Конечно, это будет просвещенный авторитаризм, но все же не система, основанная на свободе, широком и добровольном участии общества в управлении страной. Чем серьезнее будут проблемы, которые встанут перед лидерами СССР в ближайшие годы, тем сильнее будет искушение вернуться к прежнему способу руководства.

Возможны радикальные перемены в руководстве, но они не неизбежны. Если социально-экономические реформы не приведут к желаемому результату, в Советском Союзе всегда могут заявить, что и западные страны, не говоря уже о третьем мире, тоже испытывают (и, безусловно, будут испытывать) серьезные затруднения. Следовательно, при всех осложнениях Советский Союз не находится в худшем положении: если его экономический прогресс замедлен и если у него хватает социальных проблем, то ведь то же самое справедливо и по отношению к большинству других стран. Только в сравнительном контексте можно решить вопрос о банкротстве той или иной социально-политической системы. Если бы весь окружающий мир пребывал в состоянии устойчивого роста и процветания, если бы там наблюдалось постоянное ослабление национальных противоречий и социальной напряженности, тогда, действительно, Советский Союз через несколько лет оказался бы в безвыходном положении. Поскольку же перспективы Запада не столь безоблачны, то и будущее советской системы предстает в не столь уж мрачном свете, во всяком случае, до конца нашего

столетия — до тех пор, пока в США будет продолжаться рост неоиоляционизма, пока Китай будет заниматься преимущественно своими внутренними делами, пока Западной Европе не удастся добиться значительного прогресса в ее интеграции, статус сверхдержавы Советскому Союзу по-прежнему гарантирован.

Судя по всему, какого-то прогресса СССР все же добьется, что вновь укрепит авторитет партии и государства. Что бы ни происходило в дальнейшем, какая-то степень гласности все же, несомненно, останется, и общая атмосфера в стране будет менее удушающей по сравнению с 60-ми и 70-ми годами. Время от времени интеллигенция будет испытывать границы гласности, пытаясь их несколько расширить, по мере утраты шансов на осуществление ярких надежд. Вероятно, будет усиливаться отход интеллигенции от общественной деятельности в частную и профессиональную жизнь, как уже бывало в прошлом.

Этот сценарий представляется наиболее вероятным, но, разумеется, мыслимы и иные варианты. Советское руководство может пойти и на установление диктаторского режима, если оно почувствует опасность лишиться контроля над страной. Сопротивление нерусских наций господству Москвы, забастовки рабочих, дальнейшее падение дисциплины в молодежной среде, подрывающие привычное послушание сомнения интеллектуалов — все это может породить ощущение нарастания кризиса и, как следствие, привести к жестким мерам, хорошо опробованным в прошлом. Тогда гласности наступит конец и ее будут осуждать как либерально-буржуазное извращение ленинизма. Подобный ход событий выглядит возможным, но не слишком вероятным. Еще сомнительнее появление какой-то военной диктатуры „русской партии“. Влияние подобных сил не стоит преуменьшать, но они могут действовать скорее в качестве тормоза, нежели в качестве альтернативного правительства. Они выражают определенные общественные настроения, но у них нет программы, и отношения к ним в стране настолько поляризованы, что у власти они могли бы оставаться, лишь применяя чрезвычайные меры. Возвращение типично сталинского режима тоже выглядит невероятным, поскольку нынешние верхи и без того держат в своих руках все нужные рычаги для

установления полного контроля над страной в любое время. Впрочем, внутренняя напряженность в СССР может быть более взрывоопасной, чем это можно заметить со стороны, и положение руководства — более шатким, чем оно выглядит в настоящее время. Если это так, обнаружение подобных сдвигов лежит за пределами возможностей внешних наблюдателей.

Последняя, тоже маловероятная возможность, состоит в том, что реформы увенчаются успехом. Не подлежит сомнению, что такой итог был бы оптимальным и для Советского Союза, и для всего мира. Точка зрения, что заметное укрепление СССР неминуемо означало бы ослабление Запада, представляется неубедительной. Можно ли сегодня всерьез обсуждать перспективу успеха реформы? Большинство знающих наблюдателей и внутри СССР, и за его пределами согласны в том, что нынешние реформы следовало провести уже давно и что они являются шагом в правильном направлении, но никто не ожидает крупного успеха в близком будущем.

Все это высказано не для того, чтобы вызвать недоверие к доброй воле и даже к идеализму представителей как высших, так и низших сфер советского общества, которые, испытывая искреннее недовольство состоянием своей страны, хотели бы добиться подлинного разрыва с прошлым. Я от всей души желаю им успеха, но препятствия на их пути очень велики. Нужно надеяться, но при этом, как писал доктор Джонсон, не слишком доверять этой надежде — „ведь надежда сама по себе счастье, и сколь бы ни были частыми разочарования, все же они менее ужасны, нежели смерть самой надежды“. „Вера, говорил он, способна сдвинуть горы и сотворить чудеса“.

Советский Союз тоже подвержен действию закона перемен. Для коммунистических, как и для всех иных режимов, время не останавливается.

Итак, я повторяю вновь: есть причины полагать, что эра гласности в СССР уже достигла высшей точки и в ближайшем будущем не следует ожидать крупных сдвигов. При благоприятном течении событий удастся избежать значительного отступления от уже достигнутого уровня гласности, но даже этот вариант нельзя считать само собой разумеющимся. Опять-таки, если повезет, когда-нибудь будет предпринята новая попытка

расширить параметры свободы. Дальше этого никакие реалистические прогнозы идти не могут: возможно, время чудес еще не ушло в прошлое, но лишь полностью отчаявшиеся люди могут на них рассчитывать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Например, см. Анатолий Громыко и Владимир Ломейко. „Новое мышление в ядерный век”. М., 1984. Считается, что именно эти авторы изобрели данный термин на конференции в Гамбурге в 1984 г.
- 2 „Правда”, 7 марта 1986 г.
- 3 В. В. Загладин („Вопросы философии”, № 2, 1986), Анатолий Добрынин („Коммунист”, № 16, 1986).
- 4 Истории о СПИДе, вызвавшие особое недовольство в Вашингтоне, повторяли обвинения каких-то африканских источников, основывавшихся на высказываниях анонимных франко-алжирских медиков и никому не известных восточногерманских ученых; например, см. „Собеседник”, 52, 1987. В случае американских протестов советские представители всегда могли заявить, что советская пресса лишь воспроизвела сведения, уже распространявшиеся средствами массовой информации других стран.
- 5 „Известия”, 3 марта 1987 г.
- 6 V. S. Gurevich and V. T. Tretjakov, *Seventy Years of Soviet Government*. Moscow, 1987, pp. 65, 78, etc.
- 7 Е. Плимак („Правда”, 14 ноября 1986 г.). Различные официальные философы выражали подобные взгляды в течение 1987 г. См., например, „Вопросы философии”, № 10–12, 1987.
- 8 Вячеслав Дашичев („Литературная газета”, 18 мая 1988 г.)
- 9 Брежнев в речи в Туле в 1977 г. отказался от идеи победы в ядерном конфликте и отверг достижение военного превосходства

в качестве полигической цели. Однако этот шаг не возымел большого значения, поскольку, столкнувшись с генеральской оппозицией, так и не сделавшись официальной советской линией на переговорах.

10 Dale R. Herspring, „Gorbachev, Yazov and the Military...”

11 В 1987 г. советская пресса публиковала бесконечные статьи и письма на эту тему. См. также широко обескуражившую повесть Юрия Полякова „Сто дней до приказа” („Юность”, № 10, 1987). Официальные представители армии отвергли это произведение из-за якобы нетипичности изображенного в ней, но в других кругах оно получило полное одобрение.

12 „Красная звезда”, 19 июля 1987 г.

13 Среди главных участников этой дискуссии были Александр Бовин (см. написанную им статью „Война” в „Философском энциклопедическом словаре”, М., 1983), Л. Флористов („Коммунист”, № 15, 1986), Д. Проектор („Московские новости”, 26 апреля 1987) и В. Загладин („Проблемы мира и социализма”, № 5, 1987). Эти и другие авторы защищали ту точку зрения, что ядерная война не является подходящим средством для достижения политических целей. Противоположные взгляды высказал генерал Табунов в „Коммунисте вооруженных сил” (№ 13, 1987). Гражданские специалисты по стратегическим вопросам утверждают, что в ядерный век внезапное нападение в высшей степени маловероятно (В. Журкин и др., „Коммунист”, № 1, 1988) и что в ядерной войне невозможна даже успешная оборона (Е. Велихов, „Коммунист”, № 1, 1988). Некоторые известные комментаторы исходят из такого понимания в размышлениях об осуществимости всемирного правительства, причем точка зрения Г. Шахназарова более оптимистична по сравнению со взглядами А. Бовина (см. „Правда”, 15 января 1988 г. и 1 февраля 1988 г.).

14 См., например, статью генерала Шеврова („Советская Россия”, 23 августа 1986 г.).

15 „Коммунист”, № 9, 1986.

16 „Советская Россия”, 21 февраля 1987 г.

17 Л. Семейко. Указ. соч.

- 18 „Правда”, 16 марта 1987 г.
- 19 Е. Примаков, Новая философия внешней политики, „Правда”, 10 июля 1987 г.
- 20 М. Горбачев („Известия”, 18 сентября 1987 г.).
- 21 Советская пресса, наряду с традиционным антизападным освещением событий, сейчас публикует и какую-то объективную информацию. Подчас советские средства массовой информации признают, что где-то что-то можно позаимствовать у Запада.
- 22 Первоначально это выступление было опубликовано в „Вестнике Министерства иностранных дел” (№ 1, 1987). Здесь излагается по: „Аргументы и факты”, 36, 1987.
- 23 The Guardian, 30 сентября 1987.
- 24 Edson W. Spencer, *International Herald Tribune*.
- 25 Joice Carol Oates, *The New York Times*, 3 января 1988.
- 26 Joseph S. Nye, Jr., Выбор слова „обновление”, „перестройка” (Revamping) нельзя признать удачным, поскольку словари определяют его как „наложные заплатки”.
- 27 Robert Levgold, *Times* (London), 18 ноября 1987.
- 28 *The Washington Post*, 30 ноября 1987.
- 29 Согласно международному опросу, проведенному в декабре 1987 г. институтом Гэллага, 22% советского населения полагали, что 1988 г. будет лучше предшествующего, 49% не ожидали существенных изменений, и 15% думали, что ситуация изменится к худшему. Для Соединенных Штатов соответствующие цифры составляли 56%, 8% и 25% („Daily Telegraph”, December 31, 1987).
- 30 Charles Krauthammer, „The Week Washington Lost Its Head”, *New Republic*, 4 января 1988.
- 31 George Kennan, *The New York Review of Books*, 31 января 1988.
- 32 Archie Brown, *Financial Times*, 26 ноября 1987 г., Richard Pipes, *The Wall Street Journal*, 2 декабря 1987 г.
- Пайпс назвал эту книгу „набором клише, полуправд и прямой лжи, типичным для советской пропаганды былых времен”. Книга рассчитана на аудиторию очень низкого уровня, которая, как, вероятно, полагают советские эксперты, представляет обидный знаменатель западного невежества и склонности к самообману.
- 33 *Times* (London) 1 июля 1987 г.
- 34 „Was geht in der Sowjet Union vor sich? Gorbachev und die Krise des Stalinismus”, *Inprekorr*, April 1987.
- 35 Первоначально этот манифест появился в „The Guardian”, 22 июля 1986 г., и впоследствии обсуждался в других периодических изданиях и книгах как документ большого значения.
- 36 См. интервью с Александром Кокбурном, „New Statesman”, January 29, 1988.
- 37 „The Economist”, 20 февраля 1987 г.
- 38 „Neues Deutschland”, 30 октября 1987 г.